

Российский этнографический музей
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная 4/1
semturem@mail.ru

Сем Т.Ю.

Элементы возрастных инициационных обрядов и актуальные игры в культуре тунгусо-маньчжуров

Аннотация. В статье впервые рассматриваются характеристики инициационных элементов в художественно-игровой культуре тунгусо-маньчжуров. В ритуальной лексике некоторых тунгусо-маньчжурских народов (нанайцев и удгейцев) сохранились слова, связанные с посвятельным периодом возрастных изменений – первой юношеской охоты и рождением первого ребёнка женщиной.

В конце XIX – начале XX в. у них имелись ритуалы одаривания юношей орудиями охоты и военного снаряжения, сопровождавшиеся праздниками, первые сохранились до конца XX в. При вступлении девушек в брачный возраст им полагалось ношение особого головного убора. У нанайцев – с изображением родового древа жизни, у эвенков – с изображением солнца как подателя душ детей. Мать девушке дарила в этот период иглу для вышивки и орнаментации одежды и утвари. Инициальные ритуалы сохранились отдельными элементами в играх и орнаментике одежды, утвари и кукол. У нанайских мальчиков это была игра в фигурки предков и божеств, выполнявших роль верховных посявителей и личных духов-помощников, а также разные подвижные игры, связанные с военно-промысловыми практиками. Женская инициация ассоциировалась с культом плодородия и имела своё выражение в игре в Великую богиню прародительницу, дающую детей, и куклы, изображающие богов плодородия и семейных охранителей. Среди современных праздников тунгусо-маньчжуров сохранились праздники лучшей хозяйки и лучшего охотника; они являются архетипическим «воспоминанием» об инициальной возрастной обрядности. В сакральном посвящении через игру отражались традиции, связанные с образами предков, получением охотничьей удачи, обретения личного духа-покровителя, а также с идеей плодородия.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжуры, инициальные ритуалы, инициальные игры, первая охота, первое материнство, идея плодородия

Tatyana Yu. Sem

Russian Museum of Ethnography
4/1 Inzhenernaya street, St. Petersburg, 191186, Russia
semturem@mail.ru

Features of Age-Related Rites of Passage and Relevant Games in the Tungus-Manchu Culture

Abstract. The article considers the mental characteristics of the initiation features in the artistic and game culture of the Tungus-Manchus for the first time. In the ritual vocabulary of some Tungus-Manchu peoples (Nanai and Udege), words associated with the initiatory period of age – the first youth hunt and the birth of the first child by a woman – have been preserved. At the end of the 19th – beginning of the 20th century, they had rituals of gifting young men with hunting tools and military equipment. The rituals were accompanied by holidays and the hunting ones survived until the end of the 20th century. When girls attained the marriage age, they were supposed to wear a special headdress: the Nanai people have the image of the ancestral tree of life, the Evenks have the image of the sun as the giver of the souls of children. During this period, the girl's mother gave her a needle for embroidery and ornamentation of clothing and utensils. The initial rituals were preserved as separate elements in the games and ornamentation of clothing, utensils and dolls among the Tungus-Manchus. Among the Nanai boys, it was the game of figures of ancestors and deities who served as supreme initiators and personal assistant spirits, as well as various outdoor games related to military and fishing practices. Female initiation was associated with the cult of fertility, and was expressed in the game of the great ancestor goddess giving children, and dolls depicting the gods of fertility and family guardians. Among the modern holidays of the Tungus-Manchus people, the feasts of the best hostess and the best hunter have been preserved as archetypal memories of the initial age-related rites. The sacred initiation through the game reflected the mental characteristics associated with the images of ancestors, acquisition of hunting luck, attainment a personal patron spirit, and the idea of fertility.

Key words: Tungus-Manchus, initiation, rites of passage, initial games, the first hunt, the first motherhood, the idea of fertility

Введение

В архаических культурах инициационные юношеские ритуалы играли одну из главных ролей в социализации подростков, превращении их во взрослых людей; такие ритуалы являлись важной составляющей в раннеплеменном родовом обществе [Токарев, 1964, 213–215]. Их суть состояла в укреплении единства этнического общества.

Иницируемый в классических инициальных обрядах проходит, согласно трактовке М. Элиаде, три уровня трансформаций – священную, временной смерти и возрождения, а также сексуальную [Элиаде, 1999]. Со священной трансформацией связано открытие тайны метафизического порядка – устройства мироздания, роли культурных героев-предков, верховных божеств в жизни людей, обретение личного духа-покровителя. Временная смерть воспринимается как вид морального и физического испытания, перехода в новое качество социально новорождённого. Сексуальная трансформация у некоторых народов могла предполагать ритуалы дефлорации или обрезания, символического оплодотворения от Верховного духа и т.п. практики.

Некоторые археологи (А.П. Окладников, Е.А. Окладникова и З.С. Лапшина) считают, что петроглифы Амура и Усури эпохи неолита наносились на священные камни во время инициационных посвятительных возрастных обрядов. Они были связаны с культом предков и черепов, приобщением посвящаемых и участников к верховному божеству (космическому змее-дракону), а также с принесением человеческих жертвоприношений. Изображение личин на петроглифах сопоставлялись с культом масок, используемых в посвятительных танцах и ритуалах, изображающих божества и предков [Окладников, 1971, 95, 107–109; Окладникова, 1995, 92–149; Лапшина, 2015, 141–150, 177–160]. Возможно, отдельные элементы этих посвятительных обрядов сохранились в культуре тунгусо-маньчжурских народов, воспринявших петроглифы как основу для своей мифологии, сказочного и эпического фольклора.

Целью настоящего исследования является этнокультурная характеристика элементов возрастных инициальных ритуалов у тунгусо-маньчжуров, связанных с современными играми.

Материалы и исследование

В верованиях тунгусо-маньчжурских народов сохранились элементы возрастных инициационных ритуалов. В ритуальной лексике нанайцев и удэгейцев имеются слова *тэлини-ни* (уд. – родить впервые, впервые убивать на охоте), *эйлэ* (нан. – до этого возраста), означающие переход юношей и девушек во взрослое состояние, связанное с первой охотой на зверя у мальчиков и рождением первого ребёнка у девушки [Кормушин, 1998, 298; Оненко, 1980, 524].

В эпосе эвенков зрелость героя определяется его физической силой, умом и способностью к браку [Мыреева, 1990, 139]. Т.е. фактически сообразуется с тремя трансформациям, отмеченными М. Элиаде.

В конце XIX – начале XX вв. у эвенков, удэгейцев и нанайцев было распространено правило, согласно которому отец юноши или его дядя по матери передаёт посвящаемому первое оружие – копьё, лук со стрелами для первой охоты на зверя, причём это обычно происходило в торжественной обстановке [Подмаскин, 1991, 19; Сем, 1961, 216; Чадаева, 1986, 64–65]. У удэгейцев до XX в. сохранились обряды при добыче первого зверя подростком, которые включали в себя пиршество с родственниками, одаривание подарками, оружие и охотничье снаряжение юношей [Подмаскин, 1991, 19].

Как сообщала Е.А. Гаер, главы семьи у нанайцев часто брали с собой на охоту сыновей-подростков и совершали при этом ритуал жертвоприношения духам гор, озёр, сопков и просили счастья и удачи у дерева *тиухэ* с ликом хозяина угодий [Гаер, 1991, 12–13]. Удэгейцы совершали в этом случае ритуал угощения скалы Лаобату перед началом охотничьего промысла [Березницкий, 2003, 31–33, 42–51].

Отцы и братья брали эвенкийских подростков на охоту и рыбалку [Василевич 1969, 174]. Всё это отражало модели поведения, связанные с инициационным периодом в жизни подростков.

В более ранний период межродовых войн у эвенков и эвенов отец и дядя передавали юноше первое оружие и снаряжение – панцирь, щит, лук со стрелами для боевых тренировок [Попова, 1981, 145; Анисимов, 1936]. Интересно, что в колыбель новорождённого мальчика и на могиле умершего мужчины клали оружие с целью будущей охотничьей удачи, для охраны от злых духов [Василевич, 1969, 170; Семейная обрядность, 1980, 165, 179]. Эвены после второго сражения воину давали второе имя, соответствующее его силе, смелости и ловкости [Алексеева, 2008, 85], что означало переход в новый статус взрослого человека. Обучение воинскому делу – перехватывание стрелы, умение увёртываться от стрел, попадание в цель (дерево, шест), умение уклониться от ударов мяча во время сна – считались у эвенов и эвенков важным этапом становления воина и охотника [Анисимов, 1936; Василевич, 1969, 177]. В нанайской сказке юноше, который ассоциируется с луной, отец даёт круглый медный щит-толи для защиты от врагов, что было связано с инициальным обрядом [Чадаева, 1990, 153].

На тело иницируемых подростков наносилась татуировка. По материалам XVIII–XIX в. известно, что эвенки и нанайцы делали татуировку в виде точек, крестов, дуг с шипами на лице (щеках, подбородке, лбу) и на руках. И.Г. Георги из путешествия по Сибири привёз рисунки мужчин тунгусов с такой татуировкой [Георги, 2005, 320]. Р.К. Маак, путешествуя по Амуру, видел гольдов и манегров с татуировкой [Лопатин, 1922, 71–72]. Интересно, что на некоторых идолах эвенков также сохранилась на лице или маске татуировка [Иванов, 1970, 170–171; РЭМ кол. 1923-69]. Считалось, что она охраняла от злых духов и от болезней. Сам процесс нанесения татуировки чаще всего осуществлялся в переходном возрасте с целью инициации. Н.В. Ермолова связывала обычай нанесения татуировки у тунгусов с влиянием в средневековый период истории таштыкцев (енисейских кыргызов) на погребальных масках которых имелись завитки и другие символические рисунки [Ермолова, 2000, 117]; они выступали символом перехода в иной мир или получения иного статуса. Интересно, что на шаманских масках тунгусо-маньчжурских народов также имелись специальные знаки в виде точек, тигровой раскраски и др. [На грани, 2006, 180–181, 205].

К разряду инициальных юношеских церемоний также относится обряд ульчей, состоявший в сажании юноши на колени девушке, после этого ритуального действия он считался мужчиной, а она женщиной [Суник, 1975, 163–164]. В отдельных случаях инициации предполагали символическое соитие и оплодотворение. Согласно нашим полевым исследованиям 1981 г., на северо-востоке Якутии у чукчей был известен ритуал качания нити с бусиной между ног девушки с целью ускорения её будущего оплодотворения. Это был магический ритуал привлечения плодородия.

В эпосе эвенков и нанайцев герой добывает невесту, проходя «путь испытаний, предназначенный мужчине». Причём обряд добывания невесты имеет разное содержание: либо это поиск невесты в борьбе со злыми духами подземелья, либо кража одежды или шкурки одной из трех небесных дев-лебедей, купающихся в озере [Мыреева, 1990, 267, 143–153; Сем и др., 2020, 203–208].

В традициях конца XX в. возрастные юношеские инициации нанайцев связаны с юношеской игрой мальчиков в фигурки, изображающие духов. Табуированный смысл игры – посвящение предкам и божествам, с изображениями которых играл подросток. О связи ритуала и игры, магии писали некоторые учёные [Варламов, 2006, 19, 79; Чадаева, 1990]. В комплект игрушек-оберегов Киле Бойбала [РЭМ, кол. 11429-15/1-20] входило до 20 предметов, в том числе фигурки предков разного уровня – небесных духов-покровителей и посредников *эджэжэ*, родовых духов *мангуача*, шаманского духа покровителя *Бучу*, а также хозяина территории и промыслов *Калгама*, хозяина огня *Подя* и 4 собачки *ингала* – символического изображения космического змее-дракона, хозяина вселенной [Сем, 2012, 388]. Считалось, что предки, шаманские духи и духи природы, личные покровители участвовали

в посвящении будущего мужчины. Существовал особый ритуал передачи отцом, дядей по матери этого комплекса изображений духов юноше. Играть с фигурками духов могли только мальчики. Это эзотерическое знание о посвящении духами запечатлено ныне только в виде современной игры. Отдельные элементы такого игрового комплекса фигурок духов, сделанных для юношей, сохранился до XX в. В состав домашних охранителей входили фигурки хозяев промыслов Подя и Калгама, а также хозяин дома Маси или Джулин [РЭМ кол. 4795]. В прошлом, следует полагать, существовали специальные посвячительные ритуалы передачи тайного знания об устройстве мира и главного космогонического мифа, которые проводились тайными обществами в мужских домах. В легендах нанайцев сохранились сведения о них. Старики ещё помнили свайные мужские амбары, которые сохранялись у нанайцев в конце XIX – начале XX в. [Сем, 1973, 75–76]. Образы патронов инициальных ритуалов в образе предков и божеств имели прототипы в наскальных изображениях Сакачи-Аляна и Шереметьево в виде масок-личин [Окладников, 1971, 95; Лапшина, 2015].

В традиционном обществе ритуал получения духов-охранителей у нанайцев и эвенков играл в шаманизме и охотничьей практике важную роль. Это, на наш взгляд, было связано с практикой обретения личного духа-покровителя, известного по этнографическим источникам у северо-восточных палеоазиатов и индейцев Северной Америки [Токарев, 1964, 306–322]. Получение личного духа-охранителя обычно происходило в одиночестве – у костра, в лесу. По мнению А.А. Бурыкина, нагуализм лежит в основе сибирского шаманизма и инициационных шаманских обрядов [Бурыкин, 2007, 222–224]. Личные духи-покровители были известны не только в шаманизме, но и в охотничьей практике.

В XIX–XX вв. у нанайцев и эвенков использовались амулеты, покровительствующие в жизни. Так, у нанайцев это были амулеты су, сиу, приносящие удачу в промысле и в жизни. Само название амулета связана со словом «солнце» – сиу. Интересно, что у эвенков к таким же амулетам относились *экиэри* в виде каменной или ветвей дерева, считавшиеся посредниками между верховным божеством *Экиэри* и людьми [Василевич, 1969, 230].

В шаманизме тунгусо-маньчжуров личные духи-покровители могли передаваться от предков к потомкам – в том числе, будущим охотникам или шаманам; у последних накапливались различные изображения духов-покровителей, главную роль среди которых играли предки в виде масок, антропоморфных деревянных фигурок, камней, сучков деревьев и прочего. Главными духами предков считались родовые предки; у негидальцев и ульчей это были покровители дома *Маси*, у нанайцев *Джулин*, у эвенков *Мугдэ*. Интересно, что в качестве воплощения предков у народов Амура, например, ульчей, служили также животные. Ульчи верили, что умершие души во время погребальных обрядов переходили в собаку и медведя [Золотарев, 1939, 151–154]. Шаманы орочей совершали ритуалы жертвоприношения собак у шаманского дерева на мольбище [Березницкий, 1992, 126].

У юношей большую роль в становлении воина и охотника играли военно-промысловые игры. Зимняя игра в мяч у нанайцев и эвенков служила дублетом поединка воинов, борьбы за территорию обитания [Киле, 1993, 24–26; Василевич, 1969, 177]. Другая нанайская игра называлась *мэргэн* и была связана с соревнованием в беге на лыжах, охоте на кабанов; она символизировала ритуал добывания охотничьей удачи [Лопатин, 1922, 183]. Игра в медведя с палкой с развилкой считалась подобием охоты на зверя. Эта игра дублировала ритуал убиения медведя во время медвежьего праздника [Лопатин, 1922, 183].

Т.о., юношеская инициация была связана в представлениях тунгусо-маньчжуров с переходом в новый статус – охотника, воина, мужа, получением сакрального, полового и физического опыта, приобщением к личному духу покровителю или покровительству Верховных богов и предков.

Женская инициация в традиционном обществе тунгусо-маньчжуров сопоставляется со свадьбой и материнством, рождением первого ребёнка. А.Я. Чадаева считает, что девичья инициация у тунгусо-маньчжурских народов Амура в прошлом была связана с посвячительными празднествами – ритуалом соития девственницы с

великим духом, верховным божеством плодородия, с которым было связано одухотворение души ребёнка [Чадаева, 1990, 188]. Согласно представлениям эвенков, верховное божество Майин за нити держало души, соединив их с головами людей. Это же божество считалось подателем душ [Рычков, 1923, 86–87].

В фольклоре нанайцев, эвенков этот ритуал символически представлен действиями, обозначающими непорочное зачатие через контакт с такими объектами, как оплодотворяющий дождь, луч света, орех, помет ласточки и т.п. [Чадаева, 1990, 186, 188; Василевич, 1936]. Интересно, что оплодотворение и рождение ребёнка у нанайцев имели символические изображения на головных уборах девушек [Чадаева, 1990, 189]. После 14 лет девушке меняли головной убор. Она получала кокошник с изображением древа жизни, на котором росли души детей в образе птичек. Аналогичное изображение древа жизни на головной уборе имелось на свадебной шапке якутских невест. Этот головной убор придавал силы плодородия женщине и показывал место проникновения души ребёнка через голову, темя. Социальный код оплодотворения был известен также и в свадебной обрядности. На свадебных халатах *сикэ* нанайцев, ульчей и негидальцев на спинке изображались родовые деревья душ с птицами-душами нерождённых детей [Иванов, 1954, 231–237]. Эти деревья символизировали плодородие невесты. Современная народная мастерица нанайцев Н. Пассар изготовила несколько панно с изображением родовых деревьев душ и животных предков – змея, тигра, изюбря, дракона – как сохранение памяти предков [РЭМ, кол. 12679-6-12]. Согласно полевым материалам автора 2021 г., в доме культуры п. Джари висят рисунки-тамги нанайских родов с изображением животных-предков.

У эвенков девушки носили налобные повязки с ушными украшениями из бисера, расшитые солярным орнаментом – символом рождения детей. У эвенков были в прошлом распространены солярные круговые танцы, связанные с культом солнца и представлениями о плодородии. Девушка, которая должна была выйти замуж (в представлениях нанайцев, эвенков, эвенков, маньчжуров – красавица Пудин), имела лицо как полная луна, глаза как два солнца, а от тела её исходило сияние. Некоторые исследователи сравнивают её с хозяйкой очага, домашним огнём [Мыреева, 1990, 145; Фольклор, 1998, 24].

В современных девичьих играх нанайцев и удэгейцев, так же, как и в мужских, имелся посвятельный смысл. В современной художественно-игровой культуре нанайцев этот смысл выражен в игре в Великую мать-прародительницу и куклы с её изображением. У Великой матери, которую изображает одна из девушек, другие участницы просят детей и спрашивают, как сохранить здоровье ребёнка [Чадаева, 1986, 39]. Этот образ известен в шаманском камлании по поводу лечения ребёнка у удэгейцев, во время которого шаман путешествовал в верхний мир с целью выпросить у Великой богини прародительницы Сагды маму души ребёнка [ФУ, 1998, 33, 297].

Согласно полевым материалам Л.И. Сем, игра в куклы сохранила у нанайцев представления о двух богах плодородия *Майдя мама* и *Аями (Ерха мерген)*. *Майдя мама* – богиня плодородия считалась великой богиней-прародительницей и хозяйкой растительности [Сем, 2015, 285]. Куклы девочек, изображающие женщину у нанайцев, ульчей, удэгейцев и уильта представляли собой основу – туловище с головой, на которую надевались платья с орнаментом, символом родового древа. Эти фигуры по данным исследователей у нанайцев и ульчей олицетворяли семейно-родовых предков [Росугбу, 1998, 54–59; Чадаева, 1986, 38]. Их кормили, укладывали спать, играли, обращаясь так же, как с изображениями духов *сэвэнами*. Т.о., они служили в качестве семенных о хранителей. Согласно Л.И. Сем, среди игрушек девочек были и фигурки *мэргэна* (охотника, меткого стрелка, мудрого человека), изображающие божество плодородия. Девочки играли в свадьбу, рождение детей, их воспитание.

Характерна также современная игра девочек-нанайцев в божества плодородия в образе двух птиц ворона и сороки, сделанных из косточек барана. В РЭМ хранится макет временного стойбища с фигурами птиц. Эта игра девочек носит сакральный характер посвящения божествами плодородия [РЭМ, кол. НВ11672/1-40].

С этапом взросления у девочек также было связано обучение мастерству шитья и орнаментации одежды и утвари. Девушки учились сакральной вышивке и аппликации. При сватовстве особое внимание уделялось навыкам хорошей хозяйки и мастерицы, владеющей вышиванием и нанесением орнаментов, магически предохраняющих её владельца. Интересно, что в фольклоре имеются сведения о том, что во время свадебного обряда мать дарит дочери иглу, чтобы она стала мастерицей (дочь при этом ассоциировалась с солнцем, а жених с луной) [Чадаева, 1990, 153]. Верховные духи покровительствовали мастерству шитья и орнаментации одежды, утвари. Мастерицы Амура и Сахалина (нанайские, ульчские, удэгейские и др.) наносили изображения богов плодородия в виде орнаментальных криволинейных композиций на праздничной и обрядовой (свадебной) одежде, ритуальной утвари из бересты и дерева, кожаных сумочках [Сем, 2016, 210–218]. Основным смыслом процесса вышивания и нанесения аппликативного сакрального орнамента божеств-прародителей заключался в идее плодородия природы.

В современной праздничной культуре эвенков, нанайцев, ульчей, согласно нашим полевым материалам, а также материалам полевым исследований Ю.А. Сем и Л.И. Сем, сохранился праздник «лучшей хозяйки» и «лучшего охотника». Эти праздники являются архетипическими «воспоминаниями» об инициальной возрастной обрядности. Согласно нашим полевым материалам, у эвенков п. Иенгра 1994 г. во время этого праздника проводится ритуал приобщения девушки к родовому очагу; ритуал был связан со свадебными обрядами – нанесением на лоб и щеки девушки точек головешкой из очага.

Заключение

В традиционной культуре тунгусо-маньчжуров сохранились элементы возрастных инициаций, связанные с идеями плодородия у девочек и становления воина-охотника у мальчиков, сакральными посвящениями через игры. Этнокультурной особенностью этих верований является получение нового статуса взрослого у юношей и девушек через особые испытания. На современном этапе у тунгусо-маньчжуров элементы инициационных обрядов отражаются в художественно-игровой культуре – играх мальчиков, связанных с получением удачи на охоте и покровительства духов, передачи сакрального знания через духов с посвяжительной целью; в играх девочек, восходящих к идее получения детей от Великой богини прародительницы, хозяйки плодородия и растительности, т.д. Особо важное значение в инициации детей играли великие божества плодородия, духи предков, исполняющие роль главных посвяителей в играх и обрядах. По сути, детские инициальные игры в своей основе содержат сакральные эзотерические знания прошлого. Несмотря на то, что эти игры являются современными явлениями, они отражают память о посвяжительной обрядности.

Благодарность

Статья написана при финансовой поддержке проекта РФФИ и Национального центра научных исследований Франции (НЦНИа) № 21-59-15002

Acknowledgment

The article was written with the financial support of the RFBR project and the National center for scientific research of France (NCSIfa) No. 21-59-15002

Библиографический список

1. Алексеева, С.А. Традиционная семья у эвенков Якутии (конец XIX – начало XX в.) Историко-этнографический аспект / С.А. Алексеева. – Новосибирск: Наука, 2008. – 109 с.
2. Анисимов, А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов) / А.Ф. Анисимов. – Л: ИНС, 1936. – 195 с.
3. Березницкий, С.В. Жертвенное животное орочей – собака / С.В. Березницкий // Культура Дальнего Востока XIX–XX вв. Сборник научных трудов / Отв. ред. Л.Е. Фетисова. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – С. 122–128.
4. Березницкий, С.В. Материалы по культуре бикинских и хорских удэгейцев. Этнографические исследования 2002 г. / С.В. Березницкий // Архив ИИАЭНДВ ДВЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 255. – Владивосток, 2003, 401 л.

5. Бурькин, А.А. Шаманы. Те, кому служат духи / А.А. Бурькин. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2007. – 287 с.
6. Варламов, А.Н. Игра в эвенкийском фольклоре. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / А.Н. Варламов. – Улан-Удэ, 2006. – 211 с.
7. Василевич, Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г.М. Василевич. – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
8. Гаер, Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев / Е.А. Гаер. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1991. – 144 с.
9. Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов / И.Г. Георги. – СПб.: Русская симфония, Библиотека АН, 2005. – 816 с.
10. Ермолова, Н.В. Татуировка в культурной традиции эвенков (к проблеме этногенеза) / Н.В. Ермолова // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы IV Сибирских чтений. Ч. 2. – СПб.: МАЭ РАН, 2000. – С. 113–119.
11. Золотарёв, А.М. Родовой строй и религия ульчей / А.М. Золотарёв. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. – 206 с.
12. Иванов, С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. / С.В. Иванов // ТИЭ, н.с. Т. XXII. – М., Л.: АН СССР, 1954. – 296 с.
13. Иванов, С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. / С.В. Иванов. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
14. Киле, П.К. Творческое наследие / П.К. Киле. – Комсомольск-на Амуре, 1993. – 92 с.
15. Кормушин, И.В. Удэгейский (удэгейский) язык. Материал по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь / И.В. Кормушин. – М.: Наука, 1998. – 320 с.
16. Лапшина, З.С. Модель космоса в содержании череповидных личин петроглифов Амура и Усури. Монография / З.С. Лапшина. – Хабаровск: ХГИИК, 2015. – 208 с.
17. Лопатин, И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования / И.А. Лопатин. – Владивосток, 1922. – 370 с.
18. Мыреева, А.Н. Эвенкийские героические сказания / А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 1990. – 390 с.
19. На грани миров. Шаманизм народов Сибири (Из собрания Российского этнографического музея. СПб.). – М.: Художник и книга, 2006. – 196 с.
20. Окладников, А.П. Петроглифы Нижнего Амура / А.П. Окладников. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.
21. Окладникова, Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки / Е.А. Окладникова. – СПб.: МАЭ РАН, 1995. – 320 с.
22. Оненко, С.Н. Нанайско-русский словарь / С.Н. Оненко. – М.: Русский язык, 1980. – 552 с.
23. Подмаскин, В.В. Духовная культура удэгейцев XIX–XX вв. Историко-этнографические очерки / В.В. Подмаскин. – Владивосток: ДВГУ, 1991. – 160 с.
24. Попова, У.Г. Эвены Камчатской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья (1917–1977) / У.Г. Попова. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
25. Росугбу, И.А. К вопросу о семантике ульчской игровой куклы // Фольклор и этнография народов Севера / И.А. Росугбу. – Якутск: Северовед, 1998. – С. 54–59.
26. Сем, Л.И. Мифы, сказки и предания нанайцев (гольдов, хэчжэ) / Л.И. Сем, Ю.А. Сем. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 668 с.
27. Сем, Т.Ю. Образы богов плодородия в орнаментах на свадебной и праздничной одежде нанайцев / Т.Ю. Сем // Орнаментика в артефактах традиционной культуры. – СПб., 2016. – С. 210–216.
28. Сем, Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки / Т.Ю. Сем. – СПб.: Филфак СПбГУ, 2015. – 640 с.
29. Сем, Ю.А. Пережитки материнского рода у нанайцев / Ю.А. Сем // Труды СО ДВФ им. В.Л. Комарова АН СССР. Серия историческая. – Владивосток, 1961. – Т. 2. – С. 203–220.
30. Сем, Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.) / Ю.А. Сем. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1973. – 313 с.
31. Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
32. Смоляк, А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура) / А.В. Смоляк. – М.: Наука, 1991. – 280 с.
33. Суник, О.П. Ульчский язык. Исследования и материалы / О.П. Суник. – Л.: Наука, 1985. – 264 с.
34. Токарев, С.А. Ранние формы религии и их развитие / С.А. Токарев. – М.: Наука, 1964. – 399 с.

35. Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / Сост. М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова. – Новосибирск: Наука, 1998. – 560 с.
36. Чадаева, А.Я. Национальная игрушка. Очерки о древних предках детской игрушки народностей Чукотки и Приамурья / А.Я. Чадаева. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986. – 96 с.
37. Чадаева, А.Я. Древний свет. Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края. Очерки о фольклоре / А.Я. Чадаева. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1990. – 240 с.
38. Шимкевич, П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов / П.П. Шимкевич // Зап. ПО ИРГО. – Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернаторства, 1896. – Т. 2. – Вып. 1. – 133 с.
39. Элиаде, М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 356 с.

Текст поступил в редакцию 19.02.2021.

Принят к публикации 24.06.2021.

Опубликован 28.09.2021.

References

1. Alekseeva S.A. *Tradicionnaja sem'ja u jevenov Jakutii* (konec XIX – nachalo XX v.) [Historico-jetnograficheskij aspekt [The traditional family among the Evens of Yakutia (late 19th – early 20th century) Historical and ethnographic aspect]. Novosibirsk: Nauka, 2008, 109 p. (in Russian).
2. Anisimov A.F. *Rodovoe obshhestvo jevenkov (tungusov)* [Generic society of the Evens (Tungus)]. Leningrad: INS, 1936, 195 p. (in Russian).
3. Bereznickey S.V. *Kul'tura Dal'nego Vostoka XIX–XX vv. Sbornik nauchnykh trudov* [Culture of the Far East of the 19th – the 20th centuries. Collection of scientific papers]. Ed. by L.E. Fetisov. Vladivostok: Dalnauka, 1992, pp. 122–128 (in Russian).
4. Bereznickey S.V. *Arhiv Instituta Istorii, Arheologii i Jetnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science]. Fund 1, inventory 2, file 255. Vladivostok, 2003 (in Russian).
5. Burykin A.A. *Shamany. Te, komu sluzhat duhi* [Shamans. Those to whom the spirits serve]. St. Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoe vostokovedenie, 2007, 287 p. (in Russian).
6. Varlamov A.N. *Igra v jevenkijskom fol'klоре* [The game in Evenk folklore. PhD Thesis in Philosophy]. Ulan-Ude, 2006, 211 p. (in Russian).
7. Vasilevich G.M. *Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (the 18th – early 20th century)]. Leningrad: Nauka, 1969, 304 p. (in Russian).
8. Gaer E.A. *Drevnie bytovye obrjady nanajcev* [Ancient household rituals of the Nanai people]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 144 p. (in Russian).
9. Georgi I.G. *Opisanie vseh obitajushhij v Rossijskom gosudarstve narodov* [Description of all the peoples living in the Russian State]. St. Petersburg: Russkaja simfonija, Biblioteka, 2005, 816 p. (in Russian).
10. Eliade M. *Tajnye obshhestva. Obrjady iniciacii i posvjashhenija* [Secret societies. Rites of initiation and initiation]. Moscow: St. Petersburg: Universitetskaja kniga, 1999, 356 p. (in Russian).
11. Ermolova N.V. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa. Materialy IV Sibirskih chtenij* [Cultural heritage of the peoples of Siberia and the North. Materials of the 4th Siberian Readings]. Part 2. St. Petersburg: MAJe RAN, 2000, p. 113–119 (in Russian).
12. Zolotarev A.M. *Rodovoj stroj i religija ul'chej* [Generic system and religion of the Ulchi]. Khabarovsk: Dalgiz, 1939, 206 p. (in Russian).
13. Ivanov S.V. *Trudy instituta jetnografii* [Proceedings of the Institute of Ethnography]. Vol. XXII. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1954, 838 p. (in Russian).
14. Ivanov S.V. *Skul'ptura narodov severa Sibiri XIX – pervoj poloviny XX v.* [Sculpture of the peoples of the North of Siberia of the 19th – the first half of the 20th century]. Leningrad: Nauka, 1970, 296 p. (in Russian).
15. Kile P. K. *Tvorcheskoe nasledie* [Creative heritage]. Komsomolsk-on-Amur, 1993, 92 p. (in Russian).
16. Kormushin I.V. *Udyhejskij (udjegejskij) jazyk. Material po jetnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki. Teksty i perevody. Slovar'*. [Udykheysky (Udege) language. Material on ethnography. An essay on phonetics and grammar. Texts and translations. Dictionary]. Moscow: Nauka, 1998, 320 p. (in Russian).
17. Lapshina Z.S. *Model' kosmosa v sodержanii cherepovidnyh lichin petroglifov Amura i Ussuri* [Model of the cosmos in the content of the skull-shaped larvae of the Amur and Ussuri petroglyphs]. Khabarovsk: HGIIK, 2015, 208 p. (in Russian).
18. Lopatin I.A. *Gol'dy amurskie, ussurijskie i sungarijskie. Opyt jetnograficheskogo issledovanija* [The Amur, Ussuri, and Sungari Golds. Experience of ethnographic research]. Vladivostok, 1922, 370 p. (in Russian).
19. Myreeva A.N. *Jevenkijskie geroicheskie skazanija* [Evenki heroic tales]. Novosibirsk: Nauka, 1990, 390 p. (in Russian).

20. *Na grani mirov. Shamanizm narodov Sibiri (Iz sobranija Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja. SPb.)* [On the edge of worlds. Shamanism of the peoples of Siberia (From the collection of the Russian Ethnographic Museum. St. Petersburg)]. Moscow: Khudozhnik i kniga, 2006, 196 p. (in Russian).
21. Okladnikov A.P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs Of The Lower Amur]. Leningrad: Nauka, 1971, 336 p. (in Russian).
22. Okladnikova E.A. *Model' Vselennoj v sisteme obrazov naskal'nogo iskusstva Tihookeanskogo poberezh'ja Severnoj Ameriki* [Model of the universe in the system of rock art images of the Pacific coast of North America]. St. Petersburg: MAJe RAN, 1995, 320 p. (in Russian).
23. Onenko S.N. *Nanajsko-russkij slovar'* [Nanai-Russian dictionary]. Moscow: Russkij jazyk, 1980, 552 p. (in Russian).
24. Podmaskin V.V. *Duhovnaja kul'tura udjegejcev XIX–XX vv. Istoriko-jetnograficheskie očerki* [Spiritual culture of the Udege people of the XIX-XX centuries. Historical and ethnographic essays]. Vladivostok: DVGU, 1991, 160 p. (in Russian).
25. Popova U.G. *Jeveny Kamchatskoj oblasti. Očerki istorii, hozjajstva i kul'tury jevenov Ohotskogo poberezh'ja (1917–1977)* [Evens of the Kamchatka region. Essays on the history, economy and culture of the Evens of the Okhotsk Coast (1917–1977)]. Moscow: Nauka, 1981, 304 p. (in Russian).
26. Rosugbu I.A. *Fol'klor i jetnografija narodov Severa* [Folklore and ethnography of the peoples of the North]. Yakutsk: Severoved, 1998, pp. 54–59 (in Russian).
27. Sem L.I., Sem Yu.A. *Mify, skazki i predanija nanajcev (gol'dov, hjechzhje)* [Myths, fairy tales and legends of the Nanai people (Golds, Hezhe)]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2020, 668 p. (in Russian).
28. Sem T.Yu. *Ornamentika v artefaktah tradicionnoj kul'tury* [Ornament studies in artefacts of traditional culture]. St. Petersburg, 2016, pp. 210–216 (in Russian).
29. Sem T.Yu. *Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i jetnokul'turnye svjazi). Istoriko-jetnograficheskie očerki* [The picture of the Tungus world: the pantheon (semantics of images and ethnocultural relations). Historical and ethnographic essays]. St. Petersburg: Filfak SPBGU, 2015, 640 p. (in Russian).
30. Sem Yu.A. *Trudy SO DVF im. V.L.Komarova AN SSSR. Serija istoricheskaja* [Proceedings of the V.L. Komarov Far Eastern Federal University of the USSR Academy of Sciences. Historical series]. Vol. 2. Vladivostok, 1961, pp. 203–220 (in Russian).
31. Sem Yu.A. *Nanajcy. Material'naja kul'tura (vtoraja polovina XIX – seredina XX v.)* [The Nanai. Material culture (the second half of the 19th – the middle of the 20th century)]. Vladivostok: DVNTs AN SSSR, 1973, 313 p. (in Russian).
32. *Semejnaja obrjadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo izuchenija* [Family ritual of the peoples of Siberia. The experience of comparative study]. Moscow: Nauka, 1980, 240 p. (in Russian).
33. Smolyak A.V. *Shaman: lichnost', funkcii, mirovozzrenie (narody Nizhnego Amura)* [Shaman: personality, functions, worldview (the peoples of the Lower Amur)]. Moscow: Nauka, 1991, 280 p. (in Russian).
34. Sunik O.P. *Ul'chskij jazyk. Issledovanija i materialy* [The Ulch language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1985, 264 p. (in Russian).
35. Tokarev S.A. *Rannie formy religii i ih razvitie* [Early forms of religion and their development]. Moscow: Nauka, 1964, 399 p. (in Russian).
36. *Fol'klor udjegejcev: nimanku, tjelungu, ehje* [Folklore of the Udege people: nimanku, telungu, ekhe]. Comp. M.D. Simonov, V.T. Kyalundzyuga, M.M. Khasanova. Novosibirsk: Nauka, 1998, 560 p. (in Russian).
37. Chadaeva A.Ja. *Nacional'naja igrushka. Očerki o drevnih predkah detskoj igrushki narodnostej Chukot-ki i Priamur'ja* [National toy. Essays about the ancient ancestors of children's toys of the peoples of Chukotka and the Amur region]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986, 96 p. (in Russian).
38. Chadaeva A.Ja. *Drevnij svet. Skazki, legendy, predanija narodov Habarovskogo kraja. Očerki o fol'klоре* [Ancient light. Fairy tales, legends, legends of the peoples of the Khabarovsk Territory. Essays on folklore]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990, 240 p. (in Russian).
39. Shimkevich P.P. *Zapiski Priamurskogo otdelenija Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva* [Notes of the Amur branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 2, iss. 1. Khabarovsk: Tipografija Kanceljarii Priamurskogo general-gubernatorstva, 1896, 133 p. (in Russian).

Submitted for publication: February 19, 2021.

Accepted for publication: June 24, 2021.

Published: September 28, 2021.